

В.О. Возмилкина, Е.Г. Доценко
Екатеринбург, Россия

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПРАВЫ И СУЕВЕРИЯ В РОМАНЕ Э. ГАСКЕЛЛ «КРЭНФОРД» И ЕГО ТЕЛЕИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация: В статье анализируется изображение народных верований и обычаев в романе Э. Гаскелл «Крэнфорд» (1853) и экранизации (2007–2009). Устанавливается, что обращение к народным поверьям необходимо английской писательнице-реалисту для создания в романе разносторонней и неоднозначной картины духовной жизни Великобритании эпохи индустриальной революции. Отдельный акцент делается на сопоставлении романа и фильма «Крэнфорд».

Ключевые слова: Э. Гаскелл, викторианство, «Крэнфорд», социальный роман, суеверие.

V.O. Vozmilkina, E.G. Dotsenko
Yekaterinburg, Russia

PROVINCIAL CUSTOMS AND POPULAR BELIEFS IN ELIZABETH GASKELL'S "CRANFORD" AND ITS TV VERSION

Abstract: The article analyzes provincial customs and popular beliefs in Elizabeth Gaskell's "Cranford" (1853) and its TV version (2007-2009). It is supposed that the realist writer used popular beliefs to construct the whole picture of Great Britain of the industrial revolution era in the novel. The authors have made special accent on the specifics of "Cranford" as a film.

Keywords: Elizabeth Gaskell, Victorian age, Cranford, social novel, popular belief

Английские обычаи принято обсуждать и изучать как в связи с национальным характером», так и на уровне фольклора, который на протяжении всей истории английской литературы находит возможность с ней взаимодействовать, периодически усиливая свои позиции. Почетное место обращение к национальным традициям занимает среди факторов, определивших специфику английской литературы в викторианский период. Народные суеверия и обычаи, зафиксированные в фольклоре, нашли отражение в реалистическом романе XIX века, вступая в своеобразный диалог с христианскими аллюзиями и с самим христианством как религией, детерминирующей базовые нравственные ценности викторианства. В этом смысле роман Элизабет Гаскелл «Крэнфорд» (1853) относится к образцам классической английской литературы викторианского периода, в которых не без иронии, но с милой выразительностью представлен ряд суеверий эпохи, чаще связываемой в нашем сознании с развитием промышленности и научно-технической революцией.

Идеалы писательницы сформировались в эпоху «старой Англии», до того, как в середине столетия в стране начался очередной виток индустриализации: для Э.Гаскелл естественно несколько ностальгическое обращение к прошлому. В романах нередко присутствует контраст между провинцией и крупным индустриальным центром (сюжетообразующим это противостояние станет в знаменитом романе «Север и юг»). Писательница в своих произведениях пыталась сблизить «консервативное прошлое» и «прогрессивное настоящее», а потому понятным является ее желание нарисовать «исчезающий мир», с юмором и иронией представляя эту «курьёзную действительность» [Гениева 2002: 207].

Центральный образ книги – городок Крэнфорд, прототипом которого выступил Натсфорд, родной город Элизабет Гаскелл. Он располагается на севе-

ро-западе Англии, в графстве Чешир. (Родившийся в том же графстве Льюис Кэрролл несколько позднее прославит Чешир персонажем своей знаменитой сказки – Чеширским котом). Оплотом ткацкой промышленности и торговли Северо-Западной Англии был Манчестер, один из крупнейших индустриальных городов. Большую часть жизни писательница прожила в Манчестере, выйдя замуж за священника унитарной церкви. «Наряду с индустриальной революцией и ростом населения, в викторианской Англии существовала еще одна почти столь же динамичная сила, связанная с оживлением религии» [Kitson Clark 1965: 147]. Гаскелл очень неравнодушно относилась к проблемам большого промышленного города и писала «манчестерские романы» («Мэри Бартон»), но до конца своих дней вспоминала милый сердцу Натсфорд.

Северо-Западная и Северная Англия была представлена в середине века не только крупными промышленными центрами (Манчестер, Ливерпуль, Йоркшир, Ланкашир), но и множеством деревень и малых городов, в которых соблюдались старинные английские обычаи. «Именно поэтому англичане со всех концов страны интересовались йоркширским фольклором и верили, что уж тут-то должны водиться феи» [Коути, Харса 2011: 24]. Отголоски «йоркширского фольклора» можно найти в романах сестер Бронте; не случайно «западный Йоркшир сейчас называют "графством Бронте", ведь именно там родились и прожили большую часть жизни сестры – писательницы» [Коути, Харса 2011: 24]. Для самой Э. Гаскелл дороги и Натсфорд, ее малая родина, и Ш. Бронте, с которой они были близкими приятельницами, и Манчестер, ставший не только местом действия романа «Мэри Бартон», но и прототипом города Драмбл в «Крэнфорде».

Провинциальный городок Крэнфорд примечателен не только особыми обычаями, но, главным

образом, жителями, которые эти обычаи устанавливают и свято соблюдают. Историю города творят женщины: «Какова бы ни была судьба мужей, в Крэнфорде их не видно» [Гаскелл 2012: 24]. Все внимание автора посвящено исследованию женских характеров. Нарочитая самость героинь не раз подчеркивается на страницах романа: «Мужчина в доме очень мешает!» – как-то замечает одна из дам. Автор будто испытывает идеалы современности на прочность. Среди них – идеи и принципы, которые мы бы назвали сегодня феминизмом, гендерной независимостью и самоидентификацией. Жена священника, мать семейства, талантливая писательница, Гаскелл, тем не менее, не относится свысока к своим одиноким и не всегда последовательным героиням, с мягким юмором показывая их нетерпимость к противоположному полу и, не желая разрушить их тихую жизнь, окружает представителями сильной половины человечества в виде «ручных, домашних» [Гаскелл 2012: 14].

Крэнфордский мир «амазонок» своеобразен: в основном, это очень немолодые или даже очень пожилые дамы. Хранительницы домашнего очага, они свято верили в незыблемость установленных ими ритуалов. Часть общепринятых норм, напротив, как ритуал не осмыслилась. Так, огромное количество суеверий было связано с домашними животными, а особый трепет вызывали коровы. В этих суевериях «проглядывалась постоянная борьба с враждебными силами за наличие молока и здоровье “кормилиц”» [Гаскелл 2012: 270]. Корова мисс Бетси Баркер была достопримечательностью Крэнфорда. Поэтому когда она «неосторожно свалилась в яму с негашеной известью» [Гаскелл 2012: 28], это стало событием общегородского масштаба. Если вспомнить, чему подвергались бедные животные в деревенском английском быту XIX века, то «фланелевая кофта и панталоны» [Гаскелл 2012: 28] коровы мисс Бетси Баркер покажутся особенно заботливым шагом хозяйки во спасение животного. Во всяком случае, история с коровой, пострадавшей от извести и получившей «человеческую» одежду, абсолютно лишена мистики. В то время как «на острове Джерси рассказывали о фермере, чьи коровы стали чахнуть. Зарядив ружье серебряной монеткой, хозяин укрылся в сарае и дождался захода солнца. Около полуночи через изгородь перемахнул огромный черный пёс, заскочил в коровник и... принялся отплясывать перед скотиной. Плясал пёс так лихо, что бедняжки едва могли за ним угнаться, а некоторые падали на землю в изнеможении. Насмотревшись на такие издевательства, фермер выпалил в собаку из ружья. Пёс, поскуливая, выбежал вон, а наутро один из соседей показался с перевязанной рукой. Урок пошел колдуну на пользу: с ночными плясками было покончено, а коровы снова набрали вес» [Коуги, Харса 2011: 24].

Неудивительна эта забота о коровах со стороны дам крэнфордского «высшего общества», а не фермеров, ведь обзавестись коровой в Крэнфорде «служит почти таким же признаком респектабельности, как в некоторых кругах – собственный кабриолет» [Гаскелл 2012: 118]. Крэнфордский «высший свет» по большей части далек от настоящего социального

(и еще менее – экономического) превосходства по отношению к среднему классу: «амазонки» «Крэнфорда», как правило, в очень малой степени не являются знатными дамами (например, дочери священника) и обладают крайне скромным доходом. По сути, они бедны, однако их мир выстроен как самодостаточный, и они ни в коем случае не хотят расстаться с иллюзией своей «избранности». Помимо общения друг с другом, «светских визитов» в очень избранном кругу, чему посвящена большая часть времени и забот, дамы находят себе занятия по душе. С юмором и теплотой описывает Гаскелл повседневные заботы жительниц Крэнфорда: «содержать садик в образцовом порядке, отпугивать мальчуганов, взвешивающих на чудесные цветы, прогонять гусей, разрешать спорные вопросы литературы и политики, муштровывать чистеньких служанок» и т.п. При этом жизнеустройство Крэнфорда менее всего напоминает фантазию автора, навеянную ностальгией по годам юности, проведенным в провинциальном городке. Э. Гаскелл – прежде всего, автор реалистических социальных романов, и в ее творчестве нет произведений, сопоставимых, например, с «рождественскими повестями» Ч. Диккенса. (Тем любопытнее, что второй сезон телевизионного сериала «Крэнфорд» в Великобритании 2009 г. демонстрировался как «специальный Рождественский выпуск»).

Описание демонстративно закрытого мира «амазонок» сменяет «Крэнфорде» вполне реальный срез жизни английского общества, классовость которого формирует все сферы его жизнедеятельности. Известие о приезде в маленький город леди Гленмайр стало настоящим событием для крэнфордских дам и одним из поворотных пунктов в развитии сюжета романа, сконцентрированного не на судьбе одного или двух центральных персонажей, но именно на жизни городка. Знатное происхождение леди Гленмайр (сам статус и обязательность обращения «леди») поставило перед дамами ряд сложных вопросов, начиная с подбора туалета и заканчивая требованиями этикета в общении со столь важной особой. «Надо ли говорить “ваша милость” в тех случаях, когда обыкновенным людям мы говорим “вы”?... И надо ли говорить “миледи” или, как всегда, “сударыня”?» [Гаскелл 2012: 131], – сокрушалась мисс Пул. Внимание англичан к речевому этикету и, быть может, вытекающая отсюда сдержанность не обошли стороной и героинь романа Э. Гаскелл. Соблюдение норм и знание социальных разграничений – для них обязательная, чтобы ни сказать естественная составляющая их «благородного» образа жизни, совершенно не мешающая проявлениям их подлинного душевного благородства.

По нелепому недоразумению леди Гленмайр чуть было не лишилась возможности познакомиться с местным обществом, для которого не отдать визит гостю в течение трех дней было равносильно нанесению обиды и даже демонстрацией пренебрежения к той или иной персоне. Однако досадная ситуация вскоре получила удовлетворительное объяснение и разрешение, и общество крэнфордских «амазонок» оживилось. Тем более что скоро дам ждал сюрприз: леди Гленмайр вышла замуж за доктора Хоггинса.

Разумеется, мезальянс широко обсуждался и, чаще всего, осуждался обществом. Ведь «здесь в Крэнфорде бедная леди Гленмайр могла, казалось бы, считать себя в безопасности, – заметила мисс Мэтти с кроткой жалостью в голосе» [Гаскелл 2012: 204]. Мистер Хоггинс был хоть и обеспеченным, но простым врачом, и никак не казался достойным спутником жизни столь титулованной особы. Одним из аргументов против этого союза была уверенность дам в том, «что мистер Хоггинс ежевечерне ужинает хлебом, сыром и пивом!» [Гаскелл 2012: 204]. «Аристократическим» его ужин, таким образом, никак нельзя было назвать.

Будучи аристократкой по своему официальному статусу, леди Гленмайр, в представлении местного общества, должна служить символом благочестия, целомудренности, благоразумия, но она предпочла женское счастье. Ее замужество пошатнуло представления мисс Мэтти и ее окружения о социальной иерархии и о женской солидарности. Социальные табу, сословные разграничения остро ощущаются дамским обществом. Героини не подчеркивают свою принадлежность к определенному сословию словами, однако эта принадлежность для каждой из них чрезвычайно важна. Невидимые идентификаторы присутствуют во всем: речь, манеры, одежда. Каждый класс должен соблюдать приличия и не переходить границы. В этом героиням Э. Гаскелл видится основа стабильности и порядка.

Другая история и другой тип «верований» в романе связаны с приездом в город загадочного фокусника Бруони. Встреча мисс Пул с фокусником Бруони делает ее настоящей героиней вечера. Сами фокусы, впрочем, имеют отношение исключительно к технике и профессионализму исполнителя. Обсуждая вопросы магии, дамы проявляли и долю скептицизма, но за наносным равнодушием скрывалась тайная вера в разного рода мистику. «Миссис Форрестер верила во все, начиная от привидений и кончая воем собаки, предсказывающим смерть. Мисс Мэтти становилась на сторону то одной, то другой...» [Гаскелл 2012: 155] Мисс Мэтти, по заверениям рассказчика, стремилась казаться достойной своей рациональной сестры мисс Дженкинс. Однако и той, как оказалось, не были чужды суеверия: «она никогда не разрешала служанкам называть “саванами” застывшие кружочки сала у основания свечки и всегда требовала, чтобы их называли “колечками”» [Гаскелл 2012: 155]. Бывшие основным источником света в доме, свечи собирали вокруг себя множество примет. Опасения героини можно объяснить следующим распространенным суеверием: если свеча при горении оплывает так, что воск стекает в виде «воскового савана», то это предвещает смерть тому, кто сидит напротив нее.

В определенный момент участвовавшие случаи воровства в Крэнфорде заставили его жителей острее воспринимать суеверные представления: днем дамы «выслушивали жуткие истории о повозках, запряженных лошадьми, чьи копыта были обернуты фетром, и о людях в темной одежде, которые в глухую ночь разезжали в этих повозках по городу...» [Гаскелл 2012: 164]. Вера в привидения стала частью религиозных представлений для некоторых дам городка, в частности, миссис Форрестер. Поэтому пу-

тешствие до дома из Оверплейса, где героиня была на званом ужине, обещало превратиться в особо пикантное: служанка Дженни сообщила, что «совсем недавно она собственными глазами видела привидение на Темном проселке – на том самом, по которому нам предстояло возвращаться домой» [Гаскелл 2012: 180]. Тонким английским юмором пронизаны авторские комментарии: «Одеваясь, мы благоразумно не заговаривали о безголовой даме – ведь нам не было известно, не найдется ли ее призрачная голова и уши где-то поблизости и не существует ли между ними и злополучным телом у Темного проселка какой-либо духовной связи» [Гаскелл 2012: 181]. Однако страхи развеиваются, когда жители города разоблачают фокусника Бруони-Брауна, который «своим непревзойденным искусством пробудил в нас жажду чудес, а в будничной жизни не сумел справиться с понесшей лошадь» [Гаскелл 2012: 188].

Переходя от романа Э. Гаскелл к его экранизации, следует сказать несколько слов о жанровой специфике «Крэнфорда». Доминирующая в творчестве английской писательницы-реалиста социальная проблематика, безусловно, определяет жанровое своеобразие таких романов Гаскелл, как «Мэри Бартон», «Руфь», «Север и юг». В отношении «Крэнфорда» исследователи творчества Э. Гаскелл высказывают разные точки зрения, тем более что произведение идентифицируется то как роман, то как повесть. В результате, существуют такие противоречивые определения, как «идиллическая» повесть «Крэнфорд» (хранящая ностальгию по минувшему веку), ироническая (по отношению к «несостоятельному» – но не с точки зрения материальных ценностей – общества) повесть. Наконец, «Крэнфорд», по мнению ряда исследователей, следует отнести к так называемому провинциальному роману. Противоречия, скорее всего, вызваны известной очерковостью романа. М.Ю. Фирстова усматривает в «Крэнфорде» «вариант социально-бытового повествования как описания не связанных между собой событий из жизни провинциального городка. Несвязность на уровне фабулы обусловлена историей создания романа («Крэнфорд» печатался в виде отдельных рассказов в журнале Диккенса «Домашнее чтение» (*Household Words*) с 1851 по 1853 гг. и лишь затем оформился в единое произведение)» [Фирстова 2012: 14-15]. Еще в 1849 г. в литературном журнале Дж. Сартейна *Sartain's Union Magazine* было напечатано эссе Э. Гаскелл «Последнее поколение Англии»; оно и явилось тем наброском, из которого позже вырос роман «Крэнфорд».

Для фильма, состоящего из нескольких серий, как это принято в экранизациях классики на канале BBC, подобная сюжетная децентрализация могла бы показаться благоприятной. Однако режиссеры фильма «Крэнфорд» (2007) С. Кертис и С. Хадсон, напротив, постарались придать романной истории большую сюжетную целостность, экранизировав в рамках одной телеистории три произведения Э. Гаскелл: «Крэнфорд», «Моя леди Ладлоу» (1859) и «Признания мистера Харрисона» (1851). Размеренный темп жизни скромных крэнфордских «амазонок» получает в фильме исходное ускорение – за-

вязкой становится приезд в городок Мэри Смит (героини-рассказчицы в «Крэнфорде») и Уильяма Харрисона (молодого доктора и заглавного героя «Признаний мистера Харрисона»). Подобный сюжетный ход в начале произведения напоминает, например, завязку романа «Гордость и предубеждение» Дж. Остин или романа самой Э. Гаскелл «Север и юг» и формирует определенные зрительские ожидания. Впрочем, фильм «Крэнфорд» зрителей не разочаровывает: высокий уровень актерского мастерства в киноверсии романа был гарантирован участием в ней таких известных артистов, как Джуди Денч (в роли мисс Мэтти), Джулии Маккензи, Имелды Стантон, Тома Хиддлстона и других. Очевидно, популярность фильма дала возможность постановщикам создать «продолжение» «Крэнфорда»: второй сезон сериала носит название «Возвращение в Крэнфорд» (2009) и в меньшей степени связан с исходным романом (сценарий фильма создан, как указывается в титрах, «по произведениям Э. Гаскелл»).

Возвращаясь к жанровой специфике произведения, можно отметить присутствующие в фильме – наряду с мелодраматическими элементами – черты социальной драмы. Строительство железной дороги, которая должна пройти через Крэнфорд, разрушив его милую патриархальность, занимает в телеверсии большее место и выглядит более драматичным, чем в исходном романе. Кроме того, социальные противоречия викторианства оказались усилены в обеих частях фильма за счет обращения к повести «Моя леди Ладлоу» (произведению более позднему по сравнению с «Крэнфордом» и «Мистером Харрисоном»), где писательница использует возможности сатиры. С другой стороны, в фильмах удачно передан колорит провинциального городка с его причудливыми нравами. Визиты не более пятнадцати минут, «элегантная экономия» в виде двух свечей по вечерам, боязнь перемен. Все подчинено единому настроению, ведь это – Крэнфорд!

Есть место в кинокартине и суевериям: например, маленький мальчик, почтительно и испуганно снимающий кепку при виде похоронной процессии (это и дань уважения покойному, и вера в приметы, так как умерший может «вернуться» в дом за живым), или символические ритуалы «прочтения» букетов дамами, гадающими о чувствах кавалеров.

Народные обычаи и верования как в романах Гаскелл, так и в их экранизации появляются, разумеется, не случайно. Как указывала А.А. Елистратова в предисловии к первому изданию «Крэнфорда» на

русском языке, писательница «с любовью вспоминала старые поэтические чеширские народные обычаи и поверья, с которыми она сроднилась с детства. В день свадьбы земля или мостовая перед домом невесты и невесты посыпалась красным песком, поверх которого белым песком через воронку выводились затейливые узоры, цветочный орнамент, иногда даже поздравительные стихи (так было, вспоминала Гаскелл, в день ее собственной свадьбы, когда были разукрашены почти все дома города). На рождество детвора обходила дома, распевая под окнами старинные святочные песни... Чеширские служанки, сверстницы будущей писательницы, верили в приворотное зелье – “драконову кровь”; они знали, что, увидев в первый раз молодой месяц, надо сделать ему книксен и перевернуть в кармане деньги – тогда их станет вдвое больше до того, как луна пойдет на ущерб» [Елистратова 1973].

Сегодня о том, что романы и повести Э. Гаскелл – «живая» классика, представляющая интерес не только для специалистов по литературе и истории XIX в., свидетельствуют и новые экранизации произведений писательницы, и один за другим появляющиеся переводы ее романов на русский язык. Существовая в новом тысячелетии как бы на пересечении сразу нескольких эпох, произведения классика английской литературы обеспечивают себе непреходящую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаскелл Э.* Крэнфорд / Пер. с англ. И. Гуровой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 288 с.
- Гениева Е.* Эти загадочные англичанки. – М.: Прогресс, 2002.
- Елистратова А.А.* Предисловие // Гаскелл Э. Крэнфорд / Пер. с англ. И. Гуровой. – М.: Художественная литература, 1973. URL: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/101098/1/Gaskell_-_Krenford.html.
- Коули Е., Харса Н.* Суеверия викторианской Англии. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011.
- Фирстова М.Ю.* Художественное воплощение темы женской судьбы в романах Элизабет Гаскелл 1848-1855 гг.: викторианский социум и женский характер. Автореферат дисс... канд. филол. н. – Екатеринбург, 2012.
- Gaskell E.* Mr. Harrison's Confessions // The University of Adelaide Library. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/g/gaskell/elizabeth/harrison>.
- Gaskell E.* My Lady Ludlow // Page by Page Books. URL: http://www.pagebypagebooks.com/Elizabeth_Gaskell/My_Lady_Ludlow/index.html.
- Kitson Clark G.* The Making of Victorian England. – London: Methuen, 1965.

Данные об авторах:

Валерия Олеговна Возмилкина – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 167 г. Екатеринбурга.
Елена Георгиевна Доценко – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: Cafruszarlit@yandex.ru

About the authors:

Valeriya Olegovna Vozmilkina is a Teacher of Literature and Russian at the Secondary School № 167 of the Yekaterinburg.
Elena Georgiyevna Dotsenko is a Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).